

NICK CARTER

DETECTIVE LIBRARY

The Only 5 Cent Detective Library Published.

No. 1. PUBLISHED WEEKLY. NEW YORK. © 1904 N.Y. P. O. No. 500. 5 Cents.

Nick Carter, Detective.

By A Celebrated Author.

NEW YORK: PUBLISHED BY THE NICK CARTER LIBRARY, 100 N. 3RD ST. N.Y.C.

Ник Картер

Грабительница больших дорог

Серия «Ник Картер»

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158012

Ник Картер. Т. 2: Триника; Новосибирск; 1994

ISBN 5-87729-002-9

Аннотация

Ник Картер (настоящее имя – Джон Р. Корнелл) – создатель популярнейшего одноименного героя Ника Картера, который практически не знаком российскому читателю.

Ник, потрясающий по активности и изобретательности герой, стал любимцем миллионов читателей не только в США, но и во всем мире.

Многотиражные тиражи и более 1200 созданных, и победно шествующих по западным страницам комиксов, лучшее тому подтверждение.

Если вы любите динамичный, приключенческий детективный жанр – Ник Картер для вас.

Содержание

Глава I	4
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	27
Глава V	36
Глава VI	40
Глава VII	47
Глава VIII	55
Глава IX	63
Глава X	69
Глава XI	77
Глава XII	81

Ник Картер

Грабительница больших дорог

Глава I

Горничная-самозванка

Пассажирский поезд, шедший из Нью-Йорка, только что остановился у перрона маленькой станции Бильтман. Около вокзала стояло четыре деревенских экипажа, на козлах которых понуро сидели кучера. Кроме них, на сколько хватал глаз, не было видно ни одной живой души.

В окно одного из вагонов первого класса выглянуло миловидное женское личико... Глаза пассажирки пытливо осматривали окрестность, а в маленькой головке созрел план бегства. Гладковыбритый широкоплечий господин, севший в вагон вместе с ней в Нью-Йорке, вышел в отделение для курящих и, таким образом, не мог наблюдать за действиями соседки по вагону.

Быстро решившись, пассажирка выскочила на платформу станции, названия которой она даже не знала, несмотря на то, что была хорошо знакома с той частью Америки, в кото-

рой находилась в настоящее время, то есть с западом штата Коннектикут. Но так как она садилась в поезд без определенной цели, то ей было все равно, где выйти.

Не ускоряя шага, чтобы не обратить на себя внимания, странная пассажирка обратилась к ближайшему кучеру.

– Я хотела бы... – начала она.

– Очень жаль, мисс, – последовал ответ, – что я не могу исполнить вашего желания. Я и трое моих товарищей ждем горничных из замка. Они должны приехать скорым поездом. Я, например, повезу горничную миссис Кеннан.

– Ну, значит, вам больше нечего и ждать, – с обворожительной улыбкой произнесла пассажирка, – я и есть эта горничная.

– Вы – горничная? – изумленно проговорил кучер, молодой двадцатидвухлетний парень, с восторгом смотря на стоявшую около экипажа красавицу.

– Я, кажется, вам уже сказала об этом, – нетерпеливо заявила "горничная".

– Черт возьми! – галантно осклабился деревенский Адонис. – Что за прелестный цыпленочек! Вы кто же будете – Мари или Фанни?

– Фанни, – коротко объявил "цыпленочек".

С этими словами она вскочила в экипаж и удобно уселась на кожаное сиденье.

Кучер щелкнул бичом, и экипаж покатился.

Пассажирка лениво обернулась в сторону станции и уви-

дела, что отошедший тем временем поезд, уже почти скрылся за поворотом. Ни на платформе станции, ни на дороге не было видно ни одного человека. Не было и того гладко-выбритого мужчины, которого пассажирка, как она теперь вспомнила, часто встречала в Нью-Йорке.

Вздых облегчения вырвался из ее груди, а коралловую нижнюю губку закусили ослепительно белые зубы.

– А! Теперь я знаю, кто это был, – вполголоса произнесла она. – Это был Дик, двоюродный брат и главный помощник Ника Картера! Да! Да! Несмотря на грим, я теперь его узнала. Но я, однако, ловко ускользнула у него между пальцев!

Довольная усмешка мелькнула на ее губах.

Во время дороги "горничная" часто оборачивалась назад и зорко всматривалась вдаль, в придорожные кусты и деревья... Но всюду, куда только хватал глаз, не было видно ни одного человека.

Прежде чем самозваная горничная составила себе план, как ей действовать дальше, экипаж повернул на широкую, усыпанную гравием аллею и остановился у подъезда замка.

– Интересно знать, куда я попала? – мелькнуло в голове авантюристки в то время как глаза ее перебегали с предмета на предмет. Все вокруг говорило о роскоши и избалованных вкусах владельцев замка.

Едва она успела выскочить из экипажа, как перед ней оказался лысый, одетый в черный фрак, камердинер с часами в правой руке. "Горничная" оглянулась по сторонам, как бы

заранее высматривая лазейку на случай бегства, затем решила выждать событий и пошла навстречу камердинеру.

– Не ожидал, что вы придёте так скоро, мисс, – обратился к ней старик. – Вы можете сейчас же следовать за мною.

И повернувшись к ней спиной, он торжественно направился внутрь дома.

На одно мгновение в голове её мелькнула мысль о бегстве, но затем она отбросила эту мысль как не идущую к обстоятельствам, и последовала за камердинером, тем более, что экипажа у подъезда уже не было, а работавшие в парке садовники очень скоро догнали бы её.

– Миссис Кеннан уже несколько раз о вас осведомлялась, – говорил по дороге камердинер. – Ага! Вот уж и автомобиль готов. (Снаружи, действительно, слышался шум мотора.) – У вас есть ещё время и вы можете одеть вашу госпожу. Она со своим супругом и с моими хозяевами, мистером и миссис Грегам, отправляется сегодня на бал к мистеру Брейтону.

"Вот так штука!" – пронеслось в мыслях "горничной". – "Если эта Кеннан знает свою прислугу, то я попалась!"

– Пожалуйста, теперь направо, – предупредительно заявил старик-камердинер. – Мои господа предоставили именно этот флигель в пользование своих гостей, мистера и миссис Кеннан.

С этими словами, он открыл массивную дубовую дверь, ведущую в широкий коридор, по обеим сторонам которого

были расположены комнаты. Приостановившись на минуту, камердинер взял двумя пальцами новую "горничную" за подбородок и повернул ее лицо к свету.

– Однако, Фанни, вы прехорошенький чертенок! – плотно ухмыльнулся он.

"Горничная" резким движением отклонилась в сторону и гордо закинула голову назад. Но это продолжалось одно мгновение... Потом она сообразила, что гораздо выгоднее для нее – позволить некоторую фамильярность с собою старому ловеласу, но, зато, выпытать от него кое-какие сведения, которые впоследствии могут ей очень и очень пригодиться.

– Здесь, кажется, принято ласкать горничных? – с кошачьей улыбкой повернула она лицо к камердинеру. – Боюсь, что это будет мне сильно не по душе!

Камердинер вместо ответа слегка подтолкнул ее вперед и самозванка оказалась в громадной комнате, уставленной роскошной мебелью. Она не успела еще оглядеться в ней как следует, как из-за портьеры послышался густой, сочный женский голос.

– Подойдите сюда, милая! Вы пришли, как раз вовремя, чтобы помочь мне одеться. Ах! Это большое неудобство – не иметь при себе собственной горничной! Ну, да делать нечего – на даче уже не до того! Ну, идите же скорее сюда!

"Однако, чем я рискую? – ободряла себя тем временем "Фанни". – Ведь, в конце-то концов, самое большее, что со

мною могут сделать – это вышвырнуть меня вон!"

Приняв это решение, она смело вошла за портьеру, уже заранее готовясь услышать возглас удивления.

Ничего подобного не произошло. Миссис Кеннан, величественная дама в белом атласном бальном платье, казалось, даже не обратила внимания на ее внешность. Хозяйка была почти готова: волосы уже причесаны парикмахером, туфли и платье одеты; только несколько пуговиц на спине не были застегнуты.

– Вы, вероятно, горничная миссис Грегам? – спросила дама, увидев совершенно незнакомое лицо. – Значит, Фанни все еще нет! Да, – с легким вздохом прибавила миссис Кеннан, – аккуратность не принадлежит к числу ее добродетелей.

– Да, *madame*, – бойко заявила "горничная", – я служу у миссис Грегам.

Авантюристка готова была назваться чьей угодно горничной, чтобы только выйти из того положения, в которое попала, благодаря преследованию ее Ником Картером.

– Ты, кажется, расторопная девушка. Фанни, например, постоянно путается с теми крючками, которые ты так ловко сейчас застегнула. Ты довольна местом у миссис Грегам?

– Я не сказала бы этого, *madame*, – почтительно поклонилась авантюристка.

И она говорила правду: положением своим она совсем не была довольна, так как каждую минуту боялась, что обман

будет открыт.

– Так, так, – растерянно произнесла миссис Кеннан. – А я думала, что у Грегам хорошо служить. Так что ты не прочь поменять место?

– О, я была бы очень рада улучшить свое положение, – последовал вполне искренний ответ.

– Тогда зайди ко мне завтра утром, конечно, после завтрака и мы поговорим. Должна тебе сказать откровенно, что ты нравишься мне гораздо больше Фанни!

В это время портьера раздвинулась. Авантюристка невольно вздрогнула: каждую минуту могла приехать настоящая Фанни, и тогда обман вышел бы наружу. Страх, однако, быстро сменился полнейшим спокойствием, когда она услышала голос миссис Кеннан:

– А! Это ты, Жорж! Ты можешь остаться! – обратилась дама к самозванке, видя, что та хочет удалиться. – Входи, входи! Я совсем уже одета, Жорж!

И Жорж вошел. Это был типичный "человек-мопс", кругленький, маленький и снабженный одышкой. На нем был безукоризненно сшитый, дорогой фрак, а в руках он нес маленький черный ящичек.

– Ну вот, я и приехал, – заговорил он с остановками, как все астматики. – Но зато Самсон и гнал же автомобиль! Это была какая-то бешеная скачка! С этими драгоценностями, которые так дороги, что их нужно держать в банке, чистая мука! Эге! – прервал он сам себя, взглянув на "горничную", –

это кто же у нас?

– Это горничная миссис Грегам, – равнодушно заявила дама.

– Черт возьми! Красивая рожица, – пробормотал Жорж, еще раз взглянув на девушку, стоявшую в стороне и скромно опустившую глаза.

Тем временем, миссис Кеннан вынула из своего письменного стола золотой ключик и отперла шкатулочку. Она так была поглощена своим занятием, что совершенно не замечала горящих взглядов мужа, устремленных на хорошенькую "горничную". Та, в свою очередь, не отрываясь, следила за действиями дамы. Авантюристка едва сдержала возглас восторга, когда миссис Кеннан вынула из ящичка великолепную жемчужную цепь, которую начала примерять при свете электрической лампочки.

Одна эта цепь стоила несколько десятков тысяч долларов! А в шкатулке были, как это хорошо видела самозванка, и другие драгоценности.

– Тебе не трудно будет, Жорж, после бала отвезти шкатулку снова в банк? – обратилась миссис Кеннан к мужу, кладя жемчужную цепь на место. – Я надена украшения уже у Брейтонов. Пока поддержи ящичек у себя. Видишь ли, я не хочу затруднять Грегамов и просить их прятать шкатулку в сейф.

– Ты готов? Да? – продолжала она. – Что, этот ужасный мотор, в котором каждую минуту что-нибудь портится, в по-

рядке? Самсон не забыл налить бензин, как в прошлый раз? Тогда пойдёмте! Ничего, если мы приедем немножко раньше – мне все равно необходимо отдохнуть перед обедом: эта езда на моторе всегда очень вредно сказывается на моих нервах! Подай мне накидку, – обратилась миссис Кеннан уже к "горничной". – Да не эту, а вон ту!

Авантюристка сняла с вешалки подбитую мехом накидку и ловко набросила ее на плечи дамы. Миссис Кеннан подобрала шлейф платья и вышла из комнаты, не удостоив девушку ни одним взглядом.

Не так поступил ее муж. Он, выходя из будуара жены, послал "горничной" довольно неуклюжий воздушный поцелуй и скорчил влюбленную физиономию, причем стал неподражаемо похож на старую обезьяну.

Оставшись одна, авантюристка некоторое время стояла, как вкопанная. Ее глаза горели, как глаза тигра, грудь высоко поднималась, зубы крепко закусил нижнюю губу, а руки были сжаты в кулаки, так что хрустели пальцы.

Что это? Судьба посылает ей богатую наживу! Решиться или нет? Найдёт ли она в себе достаточно мужества, сообразительности и энергии, чтобы довести до благополучного конца представляющееся ей заманчивое предприятие?

Глава II

Женщина-бандит

Миссис Кеннан, по обычаю всех светских женщин, оставила все помещения отпертыми, а вещи разбросанными. Пудреницы, флаконы для духов, коробки для мыла, зеркальца, несесеры. Все это дорогое, из массивного серебра, с золотыми монограммами. Все эти вещи стоили не одну тысячу долларов!

В другое время авантюристка не задумалась бы собрать все эти вещи, набить ими карманы и бесследно скрыться. Но теперь, когда она видела шкатулку с драгоценностями, она мысленно назвала разбросанные вещи "дрянью". У нее в мыслях было другое: она решила завладеть шкатулкой. В успехе она была почти уверена.

"Твердое решение – половина дела", – говорит народная мудрость.

Где-то недалеко скрипнула дверь. Авантюристка сообразила, что это идет горничная Фанни, прибывшая, очевидно, со скорым поездом и поняла, что ей необходимо бежать. На одном из стульев лежал резиновый плащ, так называемый макинтош, вероятно, самого мистера Кеннана. Самозваная горничная перекинула его на руку и вышла в ту самую дверь, в какую незадолго до того ее втокнул камердинер.

К счастью для нее, в коридоре никого не было.

Быстро спустившись по лестнице, она осмотрелась и увидела полуотворенную дверь, ведущую во двор. Теперь она могла быть спокойна: никто не нашел бы ничего подозрительного в том, что горничная идет по двору, с господским плащом на руке.

Только тут она вспомнила, что забыла в будуаре свою шляпу и пожалела о том, что не вырвала подкладку, на которой была напечатана фирма магазина: эта ошибка могла в будущем очень серьезно отразиться на ней. Но возвращаться назад было уже поздно.

– Ну, что сделано, то сделано, – пробормотала смелая авантюристка. – После окончания дела я сумею основательно замести следы!

Начинало уже смеркаться, и лежащие за домом холмы уже были покрыты тенью. Только далеко на западе заходящее солнце ярко золотило пробегавшие облака.

Дойдя до конюшен, самозванка огляделась по сторонам и убедилась в том, что ее никто не видел. Со стороны переднего фасада дома послышалось пыхтение мотора. Это вслед за Кеннами уезжали Грегамы. До сих пор судьба берегла авантюристку! Садовники были заняты работой и, вряд ли, кто-нибудь из них зайдет во двор.

Очутившись в конюшне, самозванная горничная прошла вдоль ясель, опытным взглядом оценивая достоинства каждой лошади. Недаром она провела свое детство и юность в

Кентукки, стране, которая по справедливости считается поставщицей лучших лошадей не только для Америки, но и почти для всего земного шара.

Авантюристка остановила свой выбор на великолепной вороной лошади, с тонкими ногами и длинной шеей. Увидев незнакомого человека, благородное животное заложило уши назад и скосило в сторону глаза. Но самозванка, очевидно, хорошо знала дело: в мгновение ока лошадь была взнуздана и оседлана, а затем выведена через заднюю дверь из конюшни.

Очутившись за решеткой, окружавшей двор, авантюристка зорко осмотрелась: кругом никого не было видно.

– Счастье, видимо покровительствует мне, – довольно усмехнулась она, закутываясь в плащ. – Хорошо, что этот Кеннан так неприлично толст: это дает мне возможность сесть в седло по мужски и закрыть, кроме того, свое платье полами макинтоша.

Легким прыжком вскочила она в седло, передернула поводья, и лошадь помчалась, как стрела, пущенная опытной рукой из лука.

Роскошные волосы авантюристки от быстрой езды скоро выбились из-под капюшона плаща и растрепались по ветру. Время от времени наездница оглядывалась назад, каждую минуту ожидая погони, но ничего, похожего на это не было. Лошадь легкая, как ветер. Все, казалось, благоприятствовало замыслу, как вдруг на дороге встретилось препятствие в

виде высокого забора. У ворот стоял какой-то старик, раскуривавший трубку.

Забор был около пяти футов высотой, но авантюристка решила перепрыгнуть его, доверяя силе лошади, если бы сторож задумал остановить ее. Но старику это и в голову не пришло и вот по какой причине.

Маленькая фигурка авантюристки, ее разгоревшееся от быстрой езды личико и пышные волосы, развевавшиеся по ветру, сделали ее очень похожей на младшую, четырнадцатилетнюю дочь Грегамов, очень любившую быструю езду и совершавшую поездки именно на той самой лошади, которую выбрала для выполнения своего замысла и самозваная горничная.

Поэтому сторож широко растворил ворота, снял шляпу и вежливо поклонился мнимой барышне. А авантюристка, довольная таким счастливым оборотом дела, все мчалась и мчалась. Места эти она знала очень хорошо, знала, что до замка Брейтонов по прямой линии верст десять, а по сильно извивающейся дороге около двадцати, знала, что дорогу эту можно сократить до восьми, если ехать по тропинке, знала, наконец, и то, что тропинка эта не годилась для шестидесятисильного автомобиля.

Но зная некоторые преимущества своего положения, она не забывала и его минусы; так, например, она понимала, что автомобиль Грегамов ехал следом за мотором Кеннанов и что ей необходимо закончить все "дело" прежде, чем авто-

мобили поравняются.

Отломив на ходу гибкую ветвь, она сильно ударила ею лошадь. Благодородное животное, не привыкшее к хлысту, взвилось на дыбы, но затем перешло в бешеный карьер. Прошло еще четверть часа в бешеной скачке, и тропинка повернула на дорогу. Теперь авантюристка мчалась прямо навстречу автомобилю.

Оторвав кусок от своей черной юбки, всадница сделала себе из него некоторое подобие маски и закрыла ею лицо.

Едущие впереди мистер и миссис Кеннан первые увидели мчавшуюся им навстречу наездницу.

– Что это такое? – произнесла миссис Кеннан, приблизив к глазам черепаховый лорнет. – Кто-то едет нам навстречу, а мужчина это или женщина – не разобрать.

– Ну, если это мужчина, – пробасил Жорж, – то он обладает довольно длинной шевелюрой. Это, по всей вероятности, Буффало-Билль, – пошутил он.

– Брось свои глупые шутки, – отозвалась жена толстяка. – Я готова держать пари, что это младшая дочь Грегамов. Во-первых, это ее фигура, а, во-вторых, только она одна проделывает всевозможные экстравагантности!

– Весьма возможно, – слегка зевнул Жорж. – Я люблю эту девочку – в ней видна порода! Но поручиться за то, что это она, не могу: лица совершенно не видно.

– Господи! Да у нее совсем нет лица!

– Или если и есть, то оно черно, как лицо негра, – под-

твердил мистер Кеннан, сильно обеспокоенный.

Проговорив это, он слегка дотронулся указательным пальцем до плеча Самсона. Шофер понял этот знак и убавил ход, чтобы окончательно остановить машину. К тому же и его любопытство было сильно возбуждено. Вид наездницы в длинном плаще, с маской на лице и с волосами, спускающимися до конца стремян, был более чем оригинален.

Было самое время остановить автомобиль, чтобы избежать столкновения с быстро мчавшейся лошадью.

У самого мотора авантюристка остановила лошадь. В руке ее появился отделанный перламутром, изящный револьвер, дуло которого она направила на пассажиров экипажа.

– Руки вверх! – звонко проговорила она.

Несмотря на мелодичность, голос звенел очень решительной нотой. Все повиновались.

– Мистер Кеннан! – продолжила всадница, – не вздумайте доставать ваш револьвер, потому что тогда вам самим придется испытать на себе силу моего оружия, а стреляю я довольно прилично! Мне нужен ваш бумажник, а не револьвер – прошу твердо это запомнить! Затем предупреждаю миссис Кеннан, что если она еще раз крикнет, я вынуждена буду прибегнуть к крайним мерам... Итак, начинаю с шофера. Самсон! Давайте ваш бумажник.

Самсон, великолепно знавший, что его богатый хозяин вернет ему потерю, нашел возможным даже пошутить:

– Грабительница на большой дороге – это новость! Оче-

видно, что дело женского равноправия идет вперед очень быстрыми шагами! – произнес он.

Затем, вынув тоненькую пачку банковских билетов, добавил:

– Я обыкновенно не вожу с собой менее миллиона, но сегодня, к несчастью, захватил несколько меньше!

Он бросил сверток всаднице, которая ловко подхватила его на лету и опустила в карман плаща.

– Великолепно! – похвалила она. – Теперь вы, мистер Кеннан! Благодарю вас! – продолжала грабительница, подхватывая объемистый бумажник толстяка.

– Наконец, – с напускным спокойствием добавила она, – я требую безделицу: тот черный ящичек, который стоит на коленях у миссис Кеннан.

Несколько секунд Кеннан смотрела на разбойницу широко раскрытыми глазами и вдруг издала резкий, тревожный крик. В ту же минуту раздался выстрел. Пуля пролетела в миллиметре от головы дамы и впиалась в обитую сафьяном спинку сиденья.

Кеннан вскрикнула снова, упала на пол экипажа и спрятала голову под сиденьем шофера.

– Это предупреждение, – холодно заявила авантюристка. – Следующая пуля будет пущена в голову или сердце! Ну-с, мистер Кеннан, – я жду шкатулки!

Толстяк наклонился, поднял упавшую на пол мотора шкатулку и дрожащими руками передал грабительнице, которая

для этого поставила лошадь бок о бок с автомобилем.

– Очень вам благодарна! Теперь все... Или нет! – спохватилась она. – Шофер! Поверните машину так, чтобы она стала поперек дороги. Я отъезжаю... Готово... Раз, два, три!

– Интересно посмотреть, что она нас заставит делать еще? – проворчал Самсон, поворачивая руль так, что автомобиль описал дугу и стал поперек дороги.

Авантюристке пора было торопиться: издалека доносилось уже пыхтение автомобиля Грегамов и басистые звуки сигнального рожка...

Раздалось два револьверных выстрела... За каждым из них следовал разрыв шины задних колес автомобиля...

На этот раз вскрикнули мистер и миссис Кеннан, уверенные в том, что выстрелы предназначались им.

Грабительница достигла своей цели: автомобиль был испорчен и совершенно не мог двигаться, дорога была загрожена, а машина Грегамов должна была остановиться волей-неволей, так как объезда не было: с одной стороны дороги тянулся глубокий ров, с другой – только что вспаханные поля, езда по которым была совершенно невозможна...

– До свидания, джентльмены! – насмешливо крикнула авантюристка, поворачивая лошадь. Минуты через три она скрылась из вида, и тут на повороте дороги показался автомобиль Грегамов...

Глава III

Бегство

Девушка поехала в восточном направлении, зная, что дорога эта приведет ее в город Перривиль, находившийся в 10 минутах ходьбы от станции. Благодаря своей остроумной тактике, она сделала немедленное преследование невозможным, а в том, что ее будут преследовать, она нисколько не сомневалась. Но не ранее, чем через час, а через час она будет уже далеко!

Грабительница поправила, как могла, прическу, подобрав свои чудные косы и скрепив их несколькими шпильками, и сбросила маску.

Остановившись в поле, не доезжая до города, авантюристка соскочила с седла на землю, сняла плащ, так великолепно скрывавший ее фигуру, и переложила все награбленные вещи в карманы своего платья. Затем она завязала в служившую ей маской материю шкатулку с драгоценностями. Плащ она перебросила через седло, повернула лошадь и слегка ударила ее ветвью. Получив свободу, лошадь сделала несколько скачков, остановилась и с наслаждением принялась щипать траву, росшую по краям дороги...

Смело войдя в город, авантюристка медленно пошла по улице, заглядывая во дворы домов, как бы что-то ища... На-

конец она нашла, что ей было нужно! Во дворе одного дома, на туго натянутой веревке сушилось белье и между всем прочим кружевная черная шаль. Шмыгнув в ворота, грабительница огляделась, быстро сорвала с веревки шаль и так же неслышно, как вошла, удалилась. Пройдя несколько домов, она приостановилась, покрыла голову шалью и уже быстрее продолжала путь...

Теперь она могла быть спокойна: в маленьком городке, каким был Перривиль, никто не обратит внимания на девушку, вышедшую за покупками и потому надевшую на голову не шляпу, а шаль. Но шляпа все же была необходима для отъезда: появление ее в шали на станции железной дороги могло вызвать подозрение.

Дойдя до единственной площади города, грабительница вынула из кармана небольшое зеркало и осмотрела себя в него. Все было в порядке: платье нисколько не пострадало от быстрой езды, а наскоро сделанная прическа даже шла ей. Выбрав один из магазинов, авантюристка вошла в него, заранее решив быть немой, как рыба, на все расспросы, несомненно любопытной, как все провинциалки, хозяйки.

Владелица магазина сидела в небольшой комнатке, находившейся рядом с магазином и кормила своего любимца – кота. Услышав скрип дверного блока, она вскочила и бросилась к прилавку...

– Скажите, как можно ошибиться, – начала она. – Я была уверена, что это мисс Куннингем – у нее точно такая шаль,

как на вас. Чем могу служить?

Авантюристка спросила шляпу и долго рылась, прежде чем нашла более или менее подходящую среди груды каких-то блинов, с прицепленными к ним громадными ярко-зелеными бантами и пучками помятых искусственных цветов. Заплатив за покупку, грабительница удалилась, а хозяйка магазина весь вечер ломала себе голову над решением вопроса, кем могла быть покупательница, так равнодушно заплатившая за шляпу 10 долларов, как будто бы это была покупка пачки шпилек?

Зайдя за первый попавшийся забор, авантюристка сбросила шаль и надела шляпу. Затем она вошла в магазин обуви, где купила баночку крема, несколько шнурков для ботинок и выпросила картонку из-под сапог. Очутившись снова на улице, она тщательно уложила шкатулку в коробку и завязала ее шнурком, так что получилась видимость будто девушка несет купленную ею обувь. Теперь она смело могла идти на станцию. Но поезда? Когда идут поезда? Этого она не знала, а между тем это был очень важный вопрос, потому что если автомобиль Грегамов явится на станцию раньше – все ее "труды" окажутся напрасными!

Следы нужно было замести как можно тщательнее, а для этого, прежде всего, не следовало покупать билета, так как в руках преследователей оказалась бы лишняя путеводная нить. Садиться без билета – значит, попасть в историю, а для авантюристки главное было в том, чтобы на некоторое время

не привлекать к себе внимания.

Дойдя до станции, она заглянула в окошко... Начальник станции, он же и кассир, рыжеволосый молодой человек, лет двадцати двух, стоял перед осколком зеркала, прибитым к стене, и с упоением занимался накручиванием жиденских усиков, осенявших толстую верхнюю губу...

"Я, похоже, произведу впечатление на этого деревенского Дон-Жуана!" – усмехнулась грабительница, в голове которой уже сложился план действий.

Войдя в помещение станции, она, по-видимому, не обратила ни малейшего внимания на ее начальника, а, подойдя к висевшему на стене "расписанию поездов", начала изучать его. Оказалось, что минут через пять должно было пройти два скорых поезда: один в Нью-Йорк, другой из него. Поезд в Нью-Йорк шел раньше. Нащупав в кармане всегда имевшийся при ней флакон с хлороформом, она убедилась в том, что он полон и приступила к выполнению намеченного плана.

– Ах! – томно заговорила она, бросая обворожительный взгляд на чиновника. – Я ничего не понимаю в этих расписаниях! Не поможете ли вы мне разобраться?

Он, конечно, помог. Выскочив из угла, в который забился было при появлении красавицы, юноша с жаром объяснил ей все, что она просила. Само собой понятно, что авантюристка расспрашивала о тех поездах, которые ей были не нужны. Решив ехать на восток, она требовала подробностей о поездах, шедших на запад.

Все чары кокетства были пущены в ход с целью воспламенить юношу. Это оказалось очень легким делом. Поместившись против красавицы, у двери, влюбленный в свои усы начальник станции, не спускал глаз с прелестного лица своей собеседницы.

Она пожаловалась на духоту и он кинулся отворять окна. Когда он повернулся спиной к авантюристке, она быстро откупорила флакон и зажала горлышко пальцем, готовясь к последнему действию.

Когда начальник станции, кончив свое дело, вернулся к красавице-пассажирке, она держала у носа какой-то флакончик и, казалось, с наслаждением нюхала...

– Что это? Вам нехорошо? – обеспокоился юнец. – Это, вероятно, нюхательная соль?

– Н-н-е-е-т, – кокетливо улыбнулась красавица. – Это нечто гораздо лучшее.

Тут произошло нечто совершенно неожиданное: красавица схватила левой рукой шею чиновника, а правой плотно прижала к его носу флакончик... Затем она закинула ему голову назад и заставила, таким образом, невольно вдохнуть в себя ядовитый запах хлороформа... Через минуту юный начальник станции уже лежал распростертым на полу, без сознания.

Вдали послышался свисток паровоза... Надо было торопиться!

Авантюристка, прижимая носовой платок к носу и ко рту,

чтобы не дышать хлороформом, подбежала к кассе, вынула из ящика билет до Нью-Йорка, проштемпелевала его и вышла на перрон...

Дрогнув всем своим составом, поезд остановился... Отсутствие начальника станции, очень частое на американских железных дорогах, никого не удивило... Кондуктор выскочил из "служебного отделения" и прокричал:

– Поезд до Нью-Йорка! Пассажиры есть?

Через минуту поезд двинулся дальше... Авантюристка сидела в купе 1-го класса, в полной безопасности... Затем она вышла из вагона и когда снова вернулась в него, на губах ее мелькала довольная усмешка: драгоценности хранились в карманах ее платья, а шкатулка покоилась на дне небольшой речки, через которую проехал поезд.

– Итак, я выиграла игру! – самодовольно улыбнулась грабительница. – Следы заметены! Через час я буду в моем миллом Нью-Йорке, и пусть меня поищут там Ники и Дики Картеры, да, пожалуй, и все полицейские ищeyки!

Глава IV

Кеннан у Ника Картера

Прошло 8 дней... Ник Картер сидел в своем рабочем кабинете, за письменным столом, а перед ним стоял его лакей Иосиф, ожидая ответа относительно только что переданной визитной карточки.

– Итак, Иосиф, – говорил Картер, – это толстый, низенького роста мужчина? На нем кричащего цвета жилет? Так? Бриллианты в кольце и галстучной булавке настоящие?

Иосиф кивнул головой в знак согласия...

– Ты не помнишь: был у нас когда-нибудь этот господин?

– Нет, мистер Картер, не был никогда.

– Гмм... Это, наверное, какой-нибудь частный сыщик, намеревающийся выудить у меня нужные ему сведения.

– Позволю себе заметить, – произнес Иосиф, – что господин не похож на сыщика. Для этого лицо его слишком интеллигентно. Я не хочу этим сказать – глупо. Нет, напротив: лукавство и хитрость ярко отражаются на нем.

– Bravo, Иосиф! – засмеялся Ник. – Лет через сто ты будешь светилом сысского дела! Ну, позови сюда этого Кенна-на!

Слуга вышел, но через минуту вошел снова и громко доложил:

– Мистер Жорж Кеннан!

Картер сразу узнал в нем дельца, несколько лет тому назад совершившего под другой фамилией не совсем чистые операции и, благодаря этому, обогатившегося очень быстро. Хотя столкновений с судом у Кеннана не было, но лица, подобные ему, стояли у Ника Картера записанными на "черном листе"... Сыщик всегда говорил, что такие дельцы стоят на границе дозволенного и недозволенного. Стоило не удался какой-нибудь операции и господу, подобные Кеннану, не побрезгуют и незаконными путями.

– М-р Кеннан? – приподнялся Картер.

– К вашим услугам, – неуклюже раскланялся толстяк.

С этими словами он подошел к сыщику и протянул ему руку, которую Картер, однако, не пожал, а просто сделал жест правой рукой, приглашая гостя садиться. Кеннан даже не заметил этого рассчитанного игнорирования и спокойно опустился в мягкое кресло. Теперь он был ярко освещен солнцем и Картеру было очень легко наблюдать за его лицом.

Кеннан, идя к Картеру, был уверен, что встретит в нем заурядный тип частного сыщика: беспокойно ласкового, услужливого, приторно любезного. Но поведение Картера невольно импонировало даже и ему и он начал очень смущенным тоном:

– Меня послал к вам мистер Малорей. Он сказал, что советует мне обратиться именно к вам. Вы знаете мистера Малорея?

– Знаю, – спокойно произнес Картер. – И даже считаю его одним из лучших своих друзей. Итак, вас послал ко мне Джемс?

Кеннан поиграл перстнями на руках, чтобы блеск бриллиантов бросился в глаза сыщику, и продолжал:

– Я до сих пор думал, что для раскрытия моего дела достаточно простого заявления полиции.

– Рекомендую вам так и поступить, – слышался спокойный ответ.

– Нет уж! Я обращаюсь к вам! Полиция в этом деле только оскандалилась!

– Возможно, – лаконично произнес сыщик.

Этот лаконизм ответов коробил Кеннана: ему было немного не по себе.

– Скажите мне, дорогой Картер... – начал толстяк.

– Мистер Картер, – поправил его сыщик.

– А... да... Э... – замялся Кеннан. – Итак, дорогой мистер Картер, – вы позволите выкурить у вас сигару?

С этими словами он вынул из кармана массивный золотой портсигар.

– Сделайте одолжение! Прошу выкурить одну из моих, – любезно отозвался Картер, подвигая гостю сигарный ящик.

– Не откажусь, не откажусь, – потянулся Кеннан к великолепным сигарам, любимой марке сыщика. – Не откажусь, тем более, что мои сигары я получил в подарок от человека, о котором до сих пор не знаю: друг он мне или враг.

– Итак, какое у вас дело? – перебил его Картер.

– О, со мною приключилась такая история, что я шлю проклятия небу каждый раз, как вспоминаю о ней!

– Охотно вам верю, мистер Кеннан, – сухо отозвался Ник Картер. – Но... поторопитесь с вашим рассказом, так как времени у меня в распоряжении немного.

– О, мой рассказ будет не долог: у моей жены украдены все бриллианты и драгоценности!

– Обыкновенное явление, – отозвался Картер.

– Да, это для вас! – загорячился толстяк. – А я потерял 50 тысяч долларов! Да и то только потому, что это было куплено по случаю у одной разорившейся графини! Знаете, когда тебя умоляют купить – нет духу отказать, ведь жалко человека. Ну, я и купил!

– За четверть стоимости, – брезгливо произнес сыщик. – Недурной гешефт! Все расчет и один только расчет!

– О, я всегда великолепно рассчитываю! – похвалил себя толстяк, совершенно не понявший тона, которым с ним говорили. – Итак, драгоценности моей жены исчезли, а наша тупоголовая полиция, провозившись с делом целую неделю, объявила мне, что украденного не вернуть и что не стоит и пытаться раскрыть это дело! Ну, скажите, разве это не возмутительно?!

– Значит, драгоценности украдены? – рассеянно вставил Ник, закуривая сигару.

– Это я уже говорил вам! – недовольным тоном произнес

Кеннан. – Но как украдены? Самым наглым образом! Нас ограбили на большой дороге, чуть ли не на виду города! Ну, потерю денег я еще переживу как-нибудь! Слава тебе, Господи, не разорюсь я от потери пятидесяти тысяч долларов! Но ведь это еще не все! Во-первых, жена моя от нервного потрясения захворала и лежит теперь больная; во-вторых, мы из-за этой истории поссорились с Греггами (знаете их, мистер Картер? Это великолепное семейство!), а у меня с самим Греггом наклевывалось дельце, на котором я бы заработал не менее ста тысяч долларов. И это вы называете обыкновенным явлением? Это насилие, наглость и больше ничего!

– Может быть. Однако, рассказывайте дальше?

– Сейчас, сейчас! Ведь, за этим я и пришел к вам, мистер Картер! Видите ли, мы нарочно не сообщали ничего о деле, чтобы не напугать, кого не нужно. Но нападение на таком людном месте, как дорога в Перривиль...

– Как? Перривиль? Перривиль в Коннектикуте? – живо переспросил Картер, внезапно крайне заинтересовавшийся делом.

– Ну, конечно! Вы, вероятно, слышали что-нибудь об этом деле? Хуже всех досталось бедному начальнику станции. Никто не хочет верить, что он сделался жертвой негодяйки, а все говорят, что он всю штуку с хлороформом устроил сам, чтобы заинтересовать собою общественное мнение. А я уверен, что он прав! – стукнул Кеннан кулаком по столу. – Аван-

тюристка применила хлороформ, чтобы без помехи взять билет на один из двух, проходивших в этот час, поездов. Так, между прочим, объяснили это дело и агенты главного полицейского управления!

– Расскажите мне лучше, как было дело, – прервал Картер поток слов своего посетителя.

– Ага! Вы уж извините, что я несколько уклонился от темы, – произнес Кеннан, уже свободно, и не спрашивая, закурил сигару из поставленного сыщиком ящика. – Я и моя жена находились в гостях, в имении Грегамов. Имение это находится недалеко от станции Бильтман. Это было в субботу, ровно неделю тому назад, мы получили приглашение на бал от мистера Брейтона. Великолепный человек, надо вам сказать. Его оценивают миллионов на десять! Правда, толкуют что-то о торговле рабами, ну да, это все пустяки. Ну-с, итак, Грегамы и я с женой отправились. Я с женой ехал на автомобиле, Грегам тоже, выехав минут через пятнадцать после нас. Наш автомобиль... Ах! Мистер Картер! Это чудо техники, наш автомобиль! Это великолепный, 60-ти сильный мерседес! Я с женой сидел в глубине экипажа, а шофером был мой Самсон. Ах! Что за человек этот Самсон! Днем с огнем не найдешь такого! Это, знаете ли...

– Нельзя ли рассказать покороче? – перебил Кеннана сыщик, взглянув на часы.

– С удовольствием! Я, видите ли, не мастер рассказывать и постоянно перескакиваю с одного предмета на другой. Ну-

с, итак, мы едем. Проехали половину дороги, как вдруг из темноты – а уже начало смеркаться – вынырнула какая-то женская фигура. Фигура сидела верхом на лошади, по-мужски, на лице ее была черная маска, а платье было скрыто под плащом – моим собственным макинтошем, мистер Картер. К слову сказать, великолепный у меня макинтош! Ну, короче говоря, эта госпожа ограбила нас, по всем правилам искусства, и наконец, держа револьвер наготове, потребовала от меня выдачи ящичка, в котором лежали драгоценности жены и который я только что перед этим взял из Нью-Йоркского банка.

– Но ведь вас было двое сильных мужчин против одной женщины! – презрительно проговорил Картер. – Как это вы допустили, чтобы вас дочиста ограбили?

– Вам хорошо говорить, мистер Картер, – обидчиво отозвался толстяк, – а эта девочка, к слову сказать, восхитительный чертенок, великолепно владела револьвером. Когда жена издала крик, то она выстрелила, причем пуля пролетела на расстоянии миллиметра от головы! Затем грабительница велела Самсону поставить автомобиль поперек дороги. Ему оставалось только повиноваться. А когда он исполнил требование, то она двумя меткими выстрелами прострелила задние шины, и наш экипаж не мог двинуться с места ни на один дюйм!

– Каким же образом грабительница оказалась одетой в ваш макинтош? – задал вопрос Ник.

– Да! Это тоже целая история! – произнес Кеннан, почесывая за ухом. – Ну-с, все это оттого, что я начал вам рассказ с середины, да и вы меня еще торопите. Благодаря своей остроумной стрельбе по шинам негодяйка имела полную возможность удрать. Пока мы натягивали новые шины, пока доехали до города, оттуда до станции – времени прошло немало. Последние два поезда, шедшие один на восток, а другой на запад, давным-давно уже были в конечных пунктах. В помещении станции, словно выброшенный на берег кашалот, лежал отравленный хлороформом начальник, а в камерке воняло, словно в десяти аптеках, вместе взятых! Ну-с, вернулись мы к Грегамам... Тут началась новая история! Жены наши, что называется, вцепились друг другу в волосы, и Мари кричала хозяйке, чтобы та вернула ей похищенные вещи. Надо вам сказать, что у Грегамов есть 14-тилетняя дочь, сорвиголова, из-за которой застрелился уже один юноша и которая очень любит всякие экстравагантности. Вот жена и думала, что вся эта история – глупая шутка этой девочки! Миссис Грегам, конечно, вознегодовала – и началась баталия. Я не могу быть в претензии на жену за такое предположение, потому что негодяйка была именно на той лошади, на которой обыкновенно ездила эта девица. Той, конечно, не трудно было доказать свое *alibi*, и в итоге пришлось извиниться! Ну, вы ведь знаете: можно всяко извиниться! Одним словом, жена это сделала в такой оскорбительной форме, что нам пришлось уехать от Грегамов и мое дело с Биллем не

состоялось!

– А вы не знаете, – внутренне смеясь, спросил сыщик, – кто была эта грабительница? Может быть, она похожа вот на эту?

С этими словами Картер вынул из лежавшего на столе альбома фотографию и показал ее толстяку.

От изумления Кеннан выронил сигару и развел руками...
– Ну, уж, признаюсь! – оторопело произнес он. – Это, однако, черт знает, что такое! Ну, да, конечно, это она, как вылитая! Она, она! Скажите, мистер Картер, разве это не прелестный чертенок, и... разве не следует ее повесить за ее наглость?

Глава V

Ник Картер отказывается от расследования дела

– Значит, – усмехнулся Картер, захлопывая альбом, в который небрежно бросил карточку, – это и есть ограбившая вас девушка?

– Безусловно, она! Даю голову на отсечение, что это она! Такие лица не забываются!

– Я нахожу в вашем рассказе маленькое противоречие, мистер Кеннан. Вы мне говорили, что грабительница была в маске и в то же время легко узнаете ее по карточке. Кроме того, вы упоминали о том, что на ней был ваш плащ?

– Да, да! Сейчас! Видите ли, все это оттого, что я начал рассказ с середины. Когда я приехал домой, я нашел в женском будуаре вот эту самую красивую мушку, – ткнул Кеннан по направлению альбома пальцем. – На мой вопрос, кто это, жена ответила, что это горничная миссис Грегам, пришедшая помочь ей одеться. Надо вам сказать, что мы ожидали приезда нашей горничной Фанни, но та запоздала. Вот эта прелестная негодяйка и сказала поджидавшему Фанни кучеру, что он ее-то и должен доставить в замок. Так-то и случилось, что она попала к нам. Ну, а Мари, как я уже сказал, приняла ее за горничную Грегамов. Понятно, что она

видела ящичек с драгоценностями. Когда мы с женою вышли, она схватила мой плащ, затем оседлала лошадь и пустилась нагонять нас. Но, должен сказать, что местность она знала превосходно, потому что поехала по тропинке, сокращавшей дорогу почти наполовину. Это, вероятно, не первый ее подвиг мистер Картер? Я говорю так потому, что нахожу ее карточку в вашем альбоме преступников.

– Ошибаетесь, мистер Кеннан! Я, напротив, уверен, что она новичок в этом деле, да и полиции о ней, наверное, ничего не известно. Фотография была снята моим помощником, сидевшим недалеко от нее.

– Вот счастье-то! – обрадовался Кеннан. – Значит, вы знаете ее местопребывание?

– К сожалению – ничего подобного. Знаю только, что меня она крайне интересуется, но этот интерес не имеет ничего общего с вашим делом. Это очень опасный экземпляр!

– Вполне с этим согласен, – пробормотал толстяк.

– Так вот, о ней я знаю столько же, сколько и вы! Должен вам сказать, что, по моему мнению, эта барышня с похищенными у вашей жены драгоценностями, наверное, очень далеко от Нью-Йорка. Трудно также изловить и ее сообщников, если таковые были.

– Нет, нет! – замахал руками Кеннан. – Ручаюсь вам головой, что все было выполнено ею одной. Но, как бы то ни было, вы, вероятно, скоро получите возможность схватить негодяйку. Вы ведь, конечно, беретесь за мое дело?

– Очень жаль, мистер Кеннан, – произнес он, – но я категорически отказываюсь от этого дела. Оно, по моему мнению, настолько запутано, что я не хочу и пытаться раскрыть его!

На лице Кеннана ясно проступило разочарование...

– Но, послушайте, дорогой мистер Картер, – заговорил он, тоже вставая и закладывая руки в карманы, – как же это так? Неужели вы отказываете мне? Я должен вам сказать, что за деньгами я не постою! Наконец, ведь и мистер Малорей почти ручался мне в том, что вы...

– Еще раз: очень сожалею, что обманул ожидания ваши и Малорея, – перебил его сыщик, – но взяться за это дело не могу – оно слишком трудно!

– Но ведь вы знаете негодяйку! У вас есть даже ее фотография!

– Если желаете, я могу подарить вам ее, – сухо произнес сыщик.

Он подошел к столу, вынул оттуда карточку и протянул ее мистру Кеннану.

– Но я готов заплатить вам десять тысяч долларов! Такие гонорары вы получаете ведь не каждый день.

– Я не возьмусь за дело и за миллион! – резко дал ответ Картер.

– Черт знает, что такое! – вспыхнул Кеннан. – Человек заставляет меня надирать легкие длиннейшим рассказом, спрашивает, допытывается, а как только доходит до дела –

отказывается! Это безобразие!

– Я вас очень попрошу быть повежливее, – спокойно произнес Ник Картер. – Я вашего дела не беру и принудить меня взяться за расследование не может никто!

Сыщик нажал кнопку электрического звонка и сказал вошедшему лакею:

– Иосиф, этот господин хочет уйти. Проводите его до двери.

Кеннан с удовольствием излил бы свое недовольство в грубых, вульгарных выражениях, но один взгляд на спокойное, но серьезное лицо Картера показал ему, что такой образ действий не остался бы безнаказанным. Поэтому он ограничился тем, что вышел из комнаты, даже не поклонившись хозяину.

* * *

На другой день после неудачного визита мистера Кеннана к знаменитому нью-йоркскому сыщику в газете "New-York-Herald" появилась следующая, коротенькая по обычаю американцев, заметка:

"Картер. Вчера скончался внезапно, от разрыва сердца, Николай Картер, пятидесяти лет от роду. Перевозка тела покойного в фамильный склеп, в Ричмонд, имеет быть во вторник, в 12 ч. дня. Согласно воле покойного, просят не присылать венков".

Глава VI

Новые лица

Через философию всех времен и народов красной нитью проходит учение о том, что человек существо далеко не свободное, что еще до рождения ему предопределена судьба, которой он не может ни избегнуть, ни изменить. Все то, что мы принимаем обыкновенно за "случайности", есть по этому учению не что иное, как события, заранее предназначенные нам судьбой. Яснее всего учение о предопределении выражается в исламе, где очень глубоко разработана философская тема о фатализме, т. е. о бесцельности борьбы с судьбой.

Вероятно, подобные мысли мелькали в голове Ника Картера после ухода от него тщеславного толстяка Кеннана. Сыщик не счел нужным говорить своему посетителю о том, что лицо, ограбившее его и его жену, стоит в тесной связи с целым рядом событий, уже давно занимавших все его мысли.

Для того, чтобы сделать читателю понятным все те события, которые разыгрались после отказа Картера от расследования дела, нам придется вернуться несколько назад и рассказать о том, что именно так сильно занимало великого сыщика.

Была дождливая холодная апрельская ночь. По одной из глухих улиц западной части Нью-Йорка медленно шли два пешехода. Один из них был старик, с большой белой, как снег, бородой и глубоко сидящими, серьезными глазами, почти мрачно глядевшими из-под нависших густых бровей. Он шел молча, изредка только отвечая на вопросы спутника, или наоборот, задавая ему односложные вопросы.

Другой пешеход – молодой, очень элегантно одетый мужчина, был, очевидно, сильно взволнован.

– Могу только сказать одно, – говорил он с дрожью в голосе, – скоро я останусь как рак на мели! Положение мое, прямо-таки, отчаянное! Должен сознаться, как это мне ни больно, что я всецело завишу от моего деда. Если он умрет, не оставив завещания, или не упомянув в нем обо мне, то я, право, даже не знаю, что со мной будет. По окончании гимназии я не готовился ни к чему и так и остался ни на что не годным тунеядцем! Рос я трутнем, совершенно не умеющим работать! Оставь меня дед – и мне остается либо купить себе веревку, либо идти просить милостыню. А что тогда будет с моей матерью и сестрами – об этом и подумать страшно! Я умею только тратить деньги; приобретать их я совершенно неспособен. Отец и дед радовались за меня, когда я тратил огромные суммы. Оба они состарились, накапливая свои

миллионы и так как сами уже не могут пользоваться благами жизни, то радуются тому, что их потомки получают на накопленные ими, стариками, деньги все удобства. Раньше мой дед был очень бережлив, почти скуп, но и только по отношению к самому себе. Мать и сестер он всегда снабжал, чем только можно. Обо мне нечего и говорить: лучшего удовольствия я не мог доставить ему, как рассказывая о том, сколько денег я проиграл или сколько бутылок вина могу я выпить за один вечер. Тогда он хлопал в ладоши и радовался, как маленький ребенок!

– Он, вероятно, ненормален? – спросил серьезный старик.

– Был ли он ненормален раньше, не знаю, – грустно проговорил молодой человек, но что теперь у него "не все дома" – факт несомненный! Но, знаете ли, сажать в сумасшедший дом человека, на средства которого жил все время, духу не хватает! Брать его под опеку – не имеет смысла. Ведь он еще не так стар – ему всего 68-й год, он еще бодр и силен. А если бы вы поговорили с ним о финансовых или торговых делах, вы бы изумились! И как горячится он иногда из-за двух-трех долларов! Словом, он гораздо разумнее своего внука, – со вздохом закончил молодой человек.

– Почему же вы теперь уверились в его ненормальности?

– Потому что у него явилась странная *idée fixe*. Он, видите ли, убежден в том, что профессор Аддисон – светило, сделавшее открытие мировой важности. Я, правда, многого не понимаю из этих разговоров, но все-таки уловил, что речь

идет о теософии, спиритизме, гипнозе, раздвоении личности, переселении душ и телепатии. Я лично абсолютно не верю в то, что один человек может заставить другого видеть то, что случилось или случится с каким-нибудь третьим лицом, зачастую, за тысячи верст. Аддисон называет этот, будто бы возможный фокус, "раздвоением личности" и указывает на своего медиума – девушку, такую же обманщицу и негодяйку, как и он сам, как на феномен, обладающий этой способностью. "Раздвоение личности" – ведь придумает же такое название! В своих рекламах этот негодяй говорит, что если бы он жил лет за триста до нашего времени, то его сожгли бы на костре, как колдуна. По-моему, его и теперь следует повесить на первом попавшемся фонарном столбе, чтобы он не выуживал денег из карманов доверчивых дураков!

– Вероятно, Аддисон хочет выманить известную сумму денег у вашего деда? – осведомился старик.

– Он, правда, не говорит об этом, – последовал ответ, – но я уверен, что это ему удастся. Этот, с позволения сказать, профессор нарисовал такую заманчивую картину, что возбуждал алчность в старике. Видите ли, на свой капитал дедушка получает 6, 7 и даже 8 процентов, но этого ему мало! Аддисон же уверил старика, что он открыл способ, посредством которого можно чуть ли не за неделю удвоить состояние. Конечно, это не более, как шантаж. Я далеко не умен, но мои мозги все же работают настолько, чтобы видеть, что этот Аддисон не более, как плут первого разряда.

– В чем состоит способ Аддисона? – спросил старик.

– Ах! Тут все дело, видите ли, в этом самом раздвоении личности! Мерзавец убедил дедушку, что с помощью своего медиума он может заранее предугадывать повышение и понижение курса. Вы себе можете представить, как ухватился за это дед? И вот он хочет все свое состояние пустить на эту игру. А его состояние включает в себе больше миллионов, чем у меня пальцев на руках.

Лично мне безразлично – потеряет ли дед капитал или нет! Я уже достаточно пожил жизнью тунеядца и завидую людям, умеющим приобретать и зарабатывать. Но меня охватывает ужас, когда я представлю себе сестер! Что ожидает их? Все их образование не годно для того, чтобы заработать себе щепоть соли к хлебу! Они умеют только хорошо одеваться и есть! Горе тем, кто женится на них! Если у них нет состояния, или если дедушка не снабдит внучек "приличным" приданым – жизнь таких несчастных будет адом. Насколько они не знают жизни, показывает следующий факт. Несколько дней тому назад я увидел счет. За 2 блузки и такое же количество шляпок для одной из сестер следовало уплатить ни много, ни мало, как 850 долларов! Я отозвал сестру в сторону и заявил ей, что если дедушка умрет, не написав завещания, то нам придется чуть ли не голодать и уж, во всяком случае, забыть и думать о такой безумной расточительности. Вы знаете, что мне на это ответила сестра? "Ах, боже мой! – возразила она, – если у меня не будет денег, то

будет большой кредит!" Вот вам плоды полученного ею, да и всеми нами, воспитания и образования.

Я повторяю: меня охватывает ужас при мысли о матери и сестрах. И я так рад, так счастлив, что, когда в клубе я подошел к вам, вы согласились выслушать меня и помочь мне, если можно.

– Все это так, – задумчиво произнес старик. – Но буду ли я в состоянии помочь вам, это большой вопрос. Во всяком случае, сделаю все, что могу.

– В таком случае, я, значит, все же в большой выгоде. Счастье уже и то, что нам удалось получить два билета на спиритический сеанс этого Аддисона. Конечно, сеансы эти совершаются под видом самых безобидных собраний в частном доме... Но и они приносят мерзавцу громадный доход, так как каждый билет стоит ровно двадцать долларов. Многие говорят так: "Э! если все эти усыпления и ясновидения и обман, то все же одна возможность полюбоваться медиумом стоит двадцати долларов". Девчонку эту в Нью-Йорке уже прозвали "прелестный жучок". Она изящна, как лилия, глаза ее – как горное озеро... Где он подцепил ее, я не знаю, но абсолютно не верю в то, что вся та чушь, которую она гордит будто бы во сне, есть откровение свыше. Это не более, как перепев того, что заранее напоеет ей негодяй!

– Н-н-ет. Я бы этого не сказал, – задумчиво произнес старик. – Есть действительно в природе некоторых людей нечто необъяснимое, до чего пока еще наука додуматься не может.

– Может быть это и так, но только не в данном случае. Я стою на своем: Аддисон плут, затеявший все свои сеансы исключительно для того, чтобы ловить на удочку простаков, вроде моего дедушки.

– А вот мы и у цели, – закончил он, останавливаясь. – По всей вероятности, входных билетов будет достаточно, чтобы попасть на спиритический сеанс мистера Аддисона.

Глава VII

Спиритический сеанс

Оба пешехода стояли у подъезда четырехэтажного дома старинной архитектуры. Ни в одном из окон не видно было света, и только вестибюль был слабо освещен.

Поднявшись по небольшой наружной лестнице, Роберт Brent (так звали молодого человека) нажал кнопку электрического звонка. Дверь слегка приотворилась и из-за нее выглянуло чье-то совершенно черное лицо. Но отворивший дверь не был негром, так как черты его лица не напоминали собой эту расу. Вернее всего, это был араб или марокканец.

Когда он открыл рот, чтобы задать вопрос "что вам угодно?", старику, пришедшему вместе с Brentом, бросился в глаза недостаток многих передних зубов, тогда как негры обладают великолепными зубами, сохраняющимися у них до глубокой старости. Было очевидно, что за дверью стоит белый, тщательнейшим образом выкрасивший себе лицо, шею и руки.

Brent вынул входные билеты и передал их в отверстие двери. Ложный негр тщательно проверил их и сравнил со списком, лежавшим около дверей, на стуле. Только после этого он отстегнул дверную цепочку.

Вновь пришедшие сняли свои шляпы и пальто и подня-

лись по лестнице на второй этаж дома. При этом было заметно, что молодому, как говорят, было несколько "не по себе", тогда как старик держал себя совершенно свободно.

Наверху вошедших встретил другой слуга, который и провёл их в зал. Зал этот имел очень мрачный, неприветливый вид. На окнах были опущены тяжелые, не пропускающие света шторы, а газовые рожки, висевшие по стенам, были настолько повернуты, что места отыскивать приходилось чуть ли не ощупью.

Сам зал был сделан путем разборки стен нескольких комнат.

В момент прибытия Брента и старика в зале было человек пятьдесят.

Через полчаса, однако, все места в зале были заняты и, несмотря на то, что никто не разговаривал, по комнате носился тот шум, который бывает всегда там, где сойдется много народа; нечто среднее между шорохом и стуком.

Внезапно на эстраде, устроенной в одном конце зала, появился одетый во все черное мужчина. Сидевшие в зале сразу затихли. Свет в зале совершенно потух, а на эстраде зато вспыхнул яркий электрический прожектор, лучи которого посредством рефлектора невидимая рука направила на Аддисона.

Вид "профессора" был оригинален: его бледное, до прозрачности, белое лицо обрамлялось черными вьющимися волосами. Усов не было, а острая, а la Henri IV, бородка при-

давала профессору какое-то мефистофельское выражение. Покрой его черной одежды напоминал собой тогу средневековых алхимиков, недоставало только остроконечной шапки и цепи на груди, да из-под балахона вместо туфель виднелись лакированные ботинки.

Поклонившись публике, Аддисон заговорил.

Его манера и само содержание речи сильно напоминали ярмарочные завывания бродячих цирковых артистов... Он утверждал, что обладает властью читать в умах и сердцах молодых людей и что, при помощи своего медиума, может узнать, что было и что будет, хотя бы дело шло об отдаленной местности...

– Особенно для последнего опыта, блестяще мной выполняемого, мне и нужен медиум, – распространялся "профессор". – Гипнотическая сила, выходящая из меня, делает для медиума возможным видеть все, что я захочу, что невозможно увидеть, при каких бы то ни было иных условиях! Достать хорошего медиума необычайно трудно. Но благодаря моим, недостижимым для других гипнотизеров, знаниям и опытности, мне удалось достать великолепного медиума, который очень быстро реагирует на флюиды, истекающие из моих пальцев. Это молодая дама – мисс Нора Бригтон. Сейчас вы познакомитесь с ней, а затем увидите нечто невероятное, сверхъестественное, нечто такое, что могу вам дать только я, сильнейший гипнотизер нашего времени!

Закончив свою хвастливую речь, Аддисон хлопнул в ладо-

ши, и на эстраде появилась девушка лет девятнадцати, одетая во все белое...

Она медленно направилась вперед... Походка ее была плавной и бесшумной: она как бы скользила. Проходя мимо "профессора", она слегка кивнула ему головкой, а публике сделала поклон, несколько не уступающий тем, которые полагаются по придворному этикету... Дойдя до переднего края эстрады, она грациозно опустилась в кресло и кокетливым жестом подобрала шлейф своего платья...

Затем начались манипуляции Аддисона. Он не употреблял обыкновенно применяемых гипнотизерами движений; он просто-напросто коснулся пальцами век медиума и вперил в девушку сосредоточившийся на одной мысли взгляд...

– Ты спишь? – наконец спросил он.

– Не совсем, – шепотом дала ответ гипнотизируемая.

При царившей в зрительном зале тишине этот шепот долетел до самых последних рядов.

– Не сопротивляйся одолевающей тебя потребности сна, – предупредил "профессор", – иначе мне крайне трудно вызывать твоё пробуждение.

Девушка в ответ на это лишь улыбнулась... Но улыбка была полусонная: видно было, что медиум не совсем ясно отдает себе отчет в том, что совершается и говорится вокруг нее... Наконец, глаза ее закрылись...

– Ты спишь? – громко спросил Аддисон.

Ответа не последовало... Спящая не сделала даже никако-

го движения. Только равномерно поднимающаяся грудь свидетельствовала о том, что жизнь не покинула прекрасное тело девушки... "Профессор" взял правую руку загипнотизированной и снова произнес:

– Скажи, ты теперь спишь?

– Да. Я сплю, – тихо произнесла спящая.

– Открой глаза! – произнес Аддисон.

Девушка повиновалась... Теперь глаза ее ничего не выражали – это были прекрасные по форме, но совершенно не одухотворенные глаза сомнамбулы.

– Что ты видишь? – прозвучал вопрос.

– Я вижу... океан, – монотонным, убийственно действующим на нервы голосом начала Бригтон.

– Он покоен или на нем буря?

– На нем буря... Страшная, небывалая буря! Я вижу водяной смерч. С самого дна океана поднимает ураган воду и она пенящимися каскадами падает на корабль.

– Ты, значит, находишься на борту судна?

– Да. Я на бриге. Он идет от тропиков.

– Почему ты это знаешь? – спросил "профессор".

– Я вижу на подводной его части массу мелких раковин, приросших к килю... Наш бриг выдержал уже несколько бурь, потому что его такелаж и мачты починены ровно настолько, чтобы доплыть до хорошего дока... Но сегодняшняя буря – самая ужасная из всех, которые перенес наш бриг.

– Рассказывай все, что ты видишь.

– Я вижу человека, сидящего на сломанном бугшприте... Этот бугшприт похож на руку тонущего, то появляющуюся над водой, то исчезающую в бездне... Человек этот что-то чинит... Работать он может только тогда, когда бугшприт появляется из воды. Это не простой матрос, а офицер, взявшийся за работу, от которой все отказались, ввиду ее опасности...

Вот корабль приподнят громадной волной к небесам, вот он сброшен в пучину... И вдруг, – на наш бриг несется водяная гора!.. Острый гребень ее, находящийся на уровне мачтовых верхушек, покрыт пеной, ее ребра отливают зловещим зеленовато-черным цветом. Всей своей массой обрушивается она на судно, как бы желая раздавить его своей тяжестью... Сидящий на бугшприте теряет равновесие и падает в море...

– Но – что это? Сброшенный за борт снова вынесен волной на поверхность моря!

При этих словах загипнотизированная поднялась со своего места и медленным движением протянула свою руку к публике... Зал замер... Сердца бились сильнее обыкновенного... Невольная дрожь пробежала по спине каждого зрителя... Слишком необычно было то, что происходило теперь на эстраде...

Широкоплечий мужчина в зеленом, цвета *bleumarine*, костюме, был особенно сильно увлечен рассказом ясновидящей... Он приподнялся на своем кресле, широко раскрыл

глаза, приоткрыл рот и застыл в этой позе. По лицу его ка-
тались слезы...

– Да, да! Море возвращает свою добычу, – продолжала яс-
новидящая. – Вот... он все ближе и ближе... Вот волна про-
мчала его вдоль всего судна! Не за что ухватиться, удержаться...
Несчастный пронесется мимо!..

– Ага! – в каком-то экстазе закончила девушка. – На пу-
ти трепещется на воде сорванный бурей парус, с обрывками
канатов... Несчастный из последних сил гребет туда, в этот
маленький пруд, образованный взгорбившейся холстиной!..
Вот он уже на нем! Теперь спасение близко! С корабля ему
бросают канат. Он обвязывает его вокруг пояса... Матросы
ташат его наверх... Большая волна поднимает его на уровень
с обер-деком... Последнее усилие – и он на корабле! Полу-
мертвый, обессиленный, окровавленный, но он спасен!

Произнеся эти слова, Бригтон в изнеможении упала в
кресло и снова закрыла глаза...

– Но это невозможно, наконец! – взволнованно произнес
мужчина в костюме цвета *bleumarine*. – Это точная передача
того, что случилось со мною во время последней навигации!

Аддисон обернулся к залу...

– Я покорнейше прошу публику не говорить громко и тем
самым не мешать сеансу, – проговорил он. – Это затрудняет
мне мою работу, нарушая общение между мной и медиумом.
Говоривший, вероятно, моряк?

– Да! Я второй штурман брига "Клементина"! Нет еще

полных десяти часов, как мы стали здесь на якорь. Мы прибыли с Явы... Прошу извинить, если я помешал вашему опыту, – закончил штурман, утирая лоб красным платком...

– Конечно, если это так, то ваш возглас вполне извинителен, – любезно поклонился "профессор". – Однако, мы отвлеклись, нам предстоит еще один опыт. Сейчас ясновидящая заглянула в прошедшее одного из присутствующих; теперь она сделает то же самое с будущим. Оговариваюсь, опыт может не удался, но я, во всяком случае, попытаюсь.

С этими словами Аддисон подошел к мисс Бригтон и снова взял ее правую руку, бессильно лежавшую у нее на коленях...

Глава VIII

"Раздвоение личности"

На вопрос "профессора", спит ли она, ясновидящая произнесла усталым голосом:

– Ах! Я так устала, так устала!

– Ну еще немного, Нора, – ободрил профессор. – Открой глаза и начинай. Я приказываю тебе заглянуть теперь в будущее одного из нас... Ну? Что ты видишь?

Некоторое время ясновидящая молчала... Затем она встала, провела несколько раз рукой по лбу, как бы отгоняя какие-то мысли и начала медленно, словно взвешивая каждое слово:

– Я вижу... старика... старого, седого мужчину... Он немного хромотает, а потому ходит с палкой с золотым набалдашником... Он носит либо очки, либо пенсне, это я вижу по красным полосам на носу... Но теперь ни очков, ни пенсне у него нет – их у него отобрали, так как он слаб в ногах, может упасть и порезаться... Ему не дают носить при себе и острых вещей, все по той же причине...

– Как это "не дают" – разве можно ему запретить? – задал вопрос профессор.

– Таков порядок в доме, – услышался ответ ясновидящей.

– Каков порядок, Нора? Говори!

– О, там, где живет старик, железная дисциплина! Несчастный старик в сумасшедшем доме! Это так ужасно – быть в сумасшедшем доме!

– Разве этот джентльмен помешанный?

– Нет, – проговорила Нора тихо. – Он так же нормален, как вы, я и все присутствующие, но он скоро сойдет с ума, если останется в доме умалишенных, куда его отправили против его желания.

Последние слова ясновидящая почти прокричала... В задних рядах произошло какое-то движение: молодой человек привстал, как бы готовясь что-то сказать, но его снова усадил на место сидевший рядом с ним старик, по виду лет 60 – 70-ти.

– Ты мне можешь сказать, кто так жестоко обошелся с этим стариком? – каким-то каркающим голосом спросил Аддисон медиума.

– Это молодой человек, глава заговора, направленного против старика! Он это сделал потому, что за это ему обещана крупная сумма денег! А старик еще осыпал его благодарностями! Бедный старик! Он пригрел змею у себя на груди... Я вижу и этого молодого человека: ему года 22 – 23, он блондин с чудными голубыми глазами! Его открытое лицо так симпатично, что никому не придет в голову предполагать в его обладателе черную душу!

В зале раздался крик негодования, сорвавшийся с губ Ро-

берта Брента.

Быстрым движением, напоминающим скачок хищника, Аддисон повернулся в сторону зала.

– Я прошу соблюдать полнейшую тишину, – сдержанно заявил он. – Всякий шум мешает успеху сеанса... Довольно о внешности молодого человека, – обратился он снова к Норе. – Я вовсе не хочу устраивать здесь семейного скандала! Но в целях предупреждения старика, скажи какие шаги сделаны молодым человеком в этом направлении? Ведь все, что ты говоришь, дело будущего. Итак, что предпринял молодой человек для того, чтобы упрятать своего благодетеля в сумасшедший дом?

– Всего я не вижу, – с трудом переводя дыхание, дала ответ Нора, – но я вижу, он говорил и говорит об этом со многими людьми... Я слышу слова "пансионат", "дом умалишенных"...

В зале снова послышался шум, но Аддисон уже не обратил на него внимания...

– Дальше, дальше! – торопил он.

– Молодой человек, – мерным тоном докладывала ясно-видящая, – пользуется услугами одного человека... Я вижу и его. Плотный, коренастый, с пронизательными глазами и таким же умом. Этот человек – гроза всех преступников! Ради высокого вознаграждения он стал на сторону юноши...

– Что же, этот сообщник – сыщик?

– Да! И он об этом сильно хлопочет. Помимо помещения

старика в сумасшедший дом, он хлопочет и о том, чтобы совершенно разлучить его с преданными старику друзьями!

– А этого сыщика ты видишь или нет?

– Вижу! – твердо произнесла ясновидящая. – Но теперь у него не бритое лицо, а обросшее белой, длинной бородой. Лоб, щеки и подбородок изрыты морщинами, Все это есть, но ничего этого нет.

– Как же это: есть и нет? – по-видимому удивился прести-джитатор.

– Он переодет и загримирован, – был ответ.

– Где он, здесь?

– Пятый ряд, третий стул, правый проход, – скороговоркой произнесла Нора. – С ним и тот, кто хотел лишить свободы своего деда.

– Имя переодетого! – резко прокаркал Аддисон.

– Трудно прочесть. Буквы стоят вверх ногами. Ага. Читаю... Его имя... Ни-ко-лай... Кар-тер!

– Дайте свет! – топнул ногой профессор.

Зал моментально был освещен. Все вытянули шеи, заглядывая в задние ряды, на которые указывала ясновидящая.

– Джонсон! – обратился Аддисон к геркулесу-негру, стоявшему у двери. – Подойди к джентльмену с приклеенной бородой и в парике и попроси его немедленно покинуть зал! Он проник сюда под вымышленной фамилией, обманным путем получив входной билет!

– Будет выполнено! – проговорил негр, направляясь к пя-

тому ряду.

Роберт Brent вскочил со своего места.

– Негодяй! – загремел он на весь зал. – Я сумею прекратить твои гнусные проделки!

Он, наверное, кинулся бы на Аддисона, если бы его спутник силой не удержал его.

В это время поднялся со своего места еще один зритель: лысый старик, опиравшийся на палку с золотым набалдашником. Он оперся левой рукой о спинку кресла, а правую, с угрозой протянул по направлению к своему внуку:

– Прочь с глаз моих, негодяй! – старчески злобно взвизгнул он. – Ты хотел запереть своего старого дедушку в дом умалишенных?! Этого я тебе никогда не прощу!

Скандал готов был разгореться. Ник Картер (спутник Brentа был не кто иной, как знаменитый нью-йоркский сыщик) схватил его за руку и насильно вывел из зала. Спустившись по лестнице вниз, они надели свои пальто и шляпы и даже не взглянув на негра, провожавшего их, вышли на улицу.

* * *

Картер привел дрожавшего от негодования Роберта к себе на квартиру.

– Не стоит волноваться, мистер Brent, – начал он, сидя в комнате, где он обыкновенно гримировался, и тщательно

но смывая краску. – Вот вы выходите из себя. Что же мне-то прикажете делать? Ведь мне нанесен еще более тяжелый удар, чем вам! Я так тщательно, так искусно загримировался – и меня узнали! Сознайтесь: вы бы ведь не узнали меня под гримом?

– Ни за что, мистер Картер! – с живостью подтвердил Brent. – В этом парике, с бородой, горбом и бесчисленными морщинами вы были неузнаваемы! Ну, кто угодно, только не Ник Картер! Ведь вы изменили даже выражение ваших глаз! Я уверен, что вас не узнали бы даже ваши помощники!

– Так оно и было, мистер Brent, – улыбнулся Картер. – Я увидел на улице, едучи уже к вам, моего помощника Дика. Желая проверить, насколько мне удался грим, я вышел из автомобиля, прошелся раза два перед самым носом своего двоюродного брата, как бы нечаянно наступил ему на ногу и извинился. И вот, Дик не узнал меня, а Аддисон раскрыл мое инкогнито сразу.

– Но ведь не верите же вы в раздвоение личности, телепатию и тому подобную чепуху? – с беспокойством спросил Brent.

– Как вам сказать? – пожал сыщик плечами. – Не... знаю. Может быть, в негодяе и действительно есть запас магнетизма. Но если только медиум не спит, а все ее фокусы – притворство, то она губит свой талант, потому что в таком случае она гений сценического искусства!

– Я никогда бы не поверил, чтобы вы, Ник Картер...

– Подождите же! Дайте мне досказать до конца! Во всем этом "раздвоении личности" нет смысла или его очень мало. Но я готов допустить, что она действительно спала. Тогда она, значит, говорила то, что ей внушал Аддисон. Я иду даже дальше и говорю: она действительно видела те сцены, о которых говорила с эстрады! Все это достигается внушением!

– Ну, а история с бригом? Ведь не подлежит ни малейшему сомнению, что рассказ правдив с начала до конца!

– С начала до конца – это сплошной обман! – твердо проговорил Картер. – Весьма просто объясняется вся эта эффектная сцена! Аддисон имеет агентов: один из них подслушал рассказ моряка еще сегодня утром и передал его профессору. Тогда он постарался, чтобы штурман "Клементины" получил входной билет на его сеанс и феерия была готова. Второй номер был предназначен для нас с вами, мистер Брент! Я уверен даже, что входные билеты нам с вами были ловко всучены самим Аддисоном. Затем ему уже нетрудно было через того же негра узнать, где мы сидим. Этот гипнотизер – достойный соперник и мы с ним будем биться не на жизнь, а на смерть. Во что бы то ни стало уговорите вашего дедушку не отдавать Аддисону денег – это будет для старика равносильно гибели! Повторяю: "профессор белой и черной магии" опасный преступник. В негре, впускавшем нас, я узнал одного из опасных грабителей, бежавшего из тюрьмы в Труа. Я сегодня же или завтра обыщу дом Аддисона и тогда мы прольем свет на все это дело!

– А что из себя представляет, по вашему мнению, эта Нора? – задал вопрос Brent.

– Ну, она тоже стоит на покато́й плоскости, хотя, может быть, для нее исправление еще возможно! Впрочем, все это не то! Я хотел бы знать: какими путями узнал Аддисон, что старик, бывший с вами – я?!

Глава IX

Изумительное решение

Верный своему слову, Картер на другой же день обыскал весь дом Аддисона. Вместе с "профессором" были схвачены и его слуги, из которых двое оказались опасными преступниками, бежавшими из тюрьмы... Нора Бригтон предпочла куда-то скрыться.

Однако "профессор белой и черной магии" недолго сидел в тюрьме. Благодаря связям, влиянию и деньгам, ему удалось заручиться покровительством одного из коронных судей и он был через три дня выпущен по неимению достаточных оснований к обвинению. Единственной карой Аддисону были выговор и предупреждение: впредь не устраивать, где бы то ни было, никаких спиритических сеансов.

В семье старика Брента долго еще не налаживалось дело спасения его капитала. Только после долгих усилий удалось Нику Картеру и друзьям старика убедить его не вверять своих денег Аддисону и не подозревать своего внука в жестоком желании – упрятать своего благодетеля в дом умалишенных.

Дела Ника Картера вдруг пошли страшно плохо: ни одно дело ему не удавалось. Казалось, кто-то невидимо читает все его мысли, проникает во все его намерения и расстраивает все его планы. Как ни наблюдал сыщик сам за "профессо-

ром", как ни выслеживали его Дик и Патси – все было напрасно. Не отыскивалось ни одного факта, ни одного намека на что-либо такое, основываясь на чем, можно бы было привлечь его к суду. А торжествующий Аддисон, знавший об этих напрасных усилиях, только улыбался при встрече с Картером и насмешливо раскланивался с ним на улице.

К этому-то времени и относилось неудачное выслеживание Диком помощницы Аддисона, Норы Бригтон, когда авантюристке удалось бежать из вагона и совершить ограбление Кеннанов.

Все эти неудачи так повлияли на Ника Картера, что он решил придумать нечто совершенно особенное для борьбы с Аддисоном. Поэтому, когда за его помощью к сыщику обратился Жорж Кеннан, он категорически отказался, будучи уверен, что в случае его согласия это станет так или иначе известно "профессору" и все труды снова пропадут даром. Но в душе Картер решил употребить все свое искусство на то, чтобы передать в руки правосудия ловкого преступника.

"Я должен придумать что-нибудь небывалое! – рассуждал, ходя взад и вперед по кабинету, Картер. – Я имею дело с необыкновенным негодяем, а потому и средства борьбы с ним нужно выбирать необыкновенные. Еще посмотрим, кто останется победителем! "Хорошо смеется тот, кто смеется последним", – говорит французская пословица. Вы бросили мне перчатку, мистер Аддисон – я ее поднимаю! Вызов принят!"

События последнего времени и осведомленность Аддисона относительно всего, предпринимаемого против "профессора", убедили Ника Картера в том, что даже в его собственном доме есть пособники негодяя, а потому он решил изложить Дику свой план в другом, более безопасном месте. С этой целью на другой день после посещения Кеннана он с утра ушел вместе с Диком в Центральный парк, изобилующий совершенно уединенными уголками.

Выбрав один из них, сыщик зорко осмотрел окрестности, вплотную подошел к Дику и произнес совершенно спокойным тоном:

– Завтра меня уже не будет в живых, Дик, и на тебя я возлагаю обязанность похоронить меня не позднее полудня среды в нашем фамильном склепе, в Ричмонде.

– Господи, – ужаснулся Дик, – что ты задумал? Неужели ты говоришь это серьезно?

– Вполне серьезно, дорогой Дик. Я прошу только точнейшим образом выполнить мои распоряжения. Итак, завтра утром я, по всей вероятности, буду уже покойником. Наш домашний врач констатирует разрыв сердца. Тебе известно, что последние годы у меня "пошаливает" сердце, и поэтому, что же удивительного в том, что человек такого слабого сложения, как я, погибнет от этого недуга? А, как ты полагаешь?

При таких словах Картер весело подмигнул своему кузену...

– А! Теперь я начинаю понимать, в чем дело! – радост-

но воскликнул Дик, у которого сразу стало легко на душе, – только, Ник... ты играешь опасную игру! И зачем ты так напугал меня вначале? – с упреком закончил он.

– А я, видишь ли, хотел посмотреть, обрадует ли тебя моя смерть. Ведь ты получишь в наследство мое дело и все мое состояние.

– Как тебе не совестно, Ник! Вот это уже гнусность! – полшутя, полсерьезно произнес Дик.

– Однако, шутки в сторону! – серьезно заговорил Ник. – Еще раз обращаю твое внимание на то, что мои распоряжения должны быть выполнены пунктуально, так как иначе все труды пропадут даром! Помни: моя смерть, погребение и все связанное с этим, должны быть в глазах всех наидействительнейшими фактами, а для этого необходимо не упустить ни одной мелочи, как бы ничтожна она ни казалась!

– Вот тут и пойми, – покачал головою Дик. – Слушай, Ник, ты просто пугаешь меня всем этим!

– Этого-то я и добиваюсь, – усмехнулся Картер, – то есть, пугать тебя мне нет смысла, а я хочу ужаснуть некоторых моих, с позволения сказать, друзей. Вот они порадуются-то! Как ты думаешь? Но... дело все в том, что Ник Картер должен умереть, должен бесследно исчезнуть с лица земли.

Проговорив это, Картер понизил голос до шепота и, наклонившись к уху Дика, продолжал давать распоряжения. Время от времени Дик кивал головой в знак согласия. Иногда он также таинственно спрашивал о чем-то сыщика. Бе-

седа продолжалась около часа.

Решено было посвятить в тайну домашнего доктора и владельца бюро похоронных процессий, личного друга Ника Картера.

– Бальзамировать тебя, однако, мы не будем, – серьезно произнес Дик.

– Ну, это можно пока оставить, – в тон ему возразил Картер, – тем более, что я слышал однажды, будто бальзамирование отзывается несколько вредно на живом человеке.

– А что, если вместо тебя в гроб положить восковую куклу? – предложил Дик.

Картер отрицательно покачал головой.

– Этим мы наших врагов не обманем. Шутка эта слишком избитая для того, чтобы на нее поймать Аддисона, против которого и веду я войну. Нет, дорогой мой Дик! Необходимо устроить так, что когда Аддисон, так или иначе, проберется на похороны, он найдет настоящего, самого настоящего Ника Картера, лежащим в гробу!

– Но, повторяю, Ник, – это адски рискованная игра!

– И все-таки, иначе ничего не поделаешь, – твердо произнес Ник, – я должен лежать в гробу и я же должен быть похоронен заживо! Я даже настаиваю на следующем: перед тем как опустить гроб в землю, необходимо еще раз открыть крышку гроба, чтобы все видели, что я по-прежнему лежу на подушках.

Дик с сомнением покачал головой.

– Это вещь невозможная, Ник! – решительно заявил он. – Даже ты не сумеешь так симулировать смерть, чтобы подлога не узнал врач, которого, несомненно, подошлют враги. А погребение! Ник, повторяю: такая симуляция невозможна!

– И все-таки, она возможна! – весело проговорил Картер. – Возможна потому, что это будет... это будет... не симуляция!

Дик досадливо махнул рукой и отвернулся...

Ник Картер подошел к своему главному помощнику и снова начал шептать ему что-то на ухо. По мере того, как сыщик говорил, лицо Дика все прояснялось и прояснялось.

– Ну, что же? По рукам? – усмехнулся Ник. – Необходимо одно – точнейшее соблюдение моих распоряжений!

– Будь спокоен, все будет исполнено!

– А что, если мы сейчас приступим к делу? – предложил Картер после небольшого размышления. – Все необходимое при мне.

– Как хочешь, – лаконично дал ответ Дик.

Затем оба вышли из парка и направились на Бродвей, главную артерию Нью-Йорка.

Глава X

"Смерть" Ника Картера

Войдя в один из лучших ресторанов, сыщики заняли столик и спросили себе по стакану грога. Осмотревшись кругом и убедившись в том, что никто за ними не следит, Ник Картер вынул из кармана небольшой пузырек и вылил его содержимое в свой стакан. Во все время этой операции сыщик с самым беззаботным видом вел с Диком ничего не значащий разговор, так что со стороны можно было подумать, что за столиком сидят люди, не замышляющие ничего серьезного.

Медленно поднес Ник стакан ко рту, выпил большими глотками грог и взглянул на часы.

– Через пять минут наступит действие, – произнес он. – Итак, Дик ты все помнишь и все исполнишь.

Молодой сыщик молча кивнул головой. Он боялся за своего двоюродного брата и учителя, к которому был привязан всеми фибрами своей души, на сердце у него было тяжело.

Надев шляпы и захватив свои трости, сыщики двинулись дальше. Идя по улице, Ник продолжал громко разговаривать о последних скачках, как вдруг остановился и схватился за сердце. Вот он побледнел, зашатался, болезненная судорога передернула его лицо и он, как подкошенный, упал на тротуар. Дик быстро наклонился над ним, отнес его в сторону и

расстегнул пиджак и жилет.

Около тела Картера собралась толпа народа. Один из зевак опустился на колени перед "трупом" и приложил ухо к его груди.

– Я врач, – объяснил он Дикю свое поведение. – Это, несомненно, ваш близкий родственник?

– Да. Это мой двоюродный брат, – печально вздохнул Дик.

Опытной рукой врач расстегнул рубашку лежавшего Ника Картера, приложил ухо к груди и внимательно начал выслушивать, затем он освидетельствовал пульс и, поднимаясь с колен, серьезно произнес, пожимая плечами:

– Человеческая помощь здесь бессильна. Ваш двоюродный брат умер от разрыва сердца. Видите пульс уже остановился, а глаза начинают стекленеть.

При этом голос говорившего так ясно выдавал сдерживаемую радость и глаза так блестели, что Дик сразу понял, что перед ним один из шпионов Аддисона.

Молодой сыщик великолепно сыграл пришедшего в отчаяние человека. Видя его, как бы невольно наворачивающиеся на глаза слезы, слыша те тяжелые вздохи, которые вылетали из его груди, никто бы не сказал, что перед ним талантливый драматический артист – и не больше...

Одетый в голубой с иголки мундир, полисмен протиснулся сквозь толпу.

– Назад! Идите, господа, по своим делам! Разойдитесь! – покрикивал он своим грубоватым голосом. – Что здесь та-

кое? – обратился он уже к Дику. Что за человек лежит здесь? Он болен или пьян?

– Ни то, ни другое, – печально вздохнул Дик, – он умер!

В это время взгляд полисмена упал на лицо лежавшего на тротуаре.

– Боже мой! Да это мистер Картер! – тоном искреннего сожаления воскликнул полисмен. – А вы, вероятно, мистер Дик Картер? – вежливо обратился он к Дику.

– Да, это я.

– Прикажете позвать карету скорой помощи и отвезти мистер Картера в приемный покой? – участливо произнес полисмен.

– Нет, благодарю вас! Мне нужен закрытый экипаж, чтобы перевезти тело моего кузена на квартиру.

– Будет исполнено! – приложил полисмен руку к козырьку шлема.

Тело Картера было перенесено в ближайший дом и положено на носилки. Затем, когда приехала фура, покойника осторожно вынесли на улицу, вместе с носилками поставили в верхнее отделение фуры, в нижнем поместился Дик, и фура медленно двинулась к квартире сыщика. Когда экипаж остановился у подъезда, Дик выскочил, захлопнул дверцу и быстро взбежал наверх. Там он посвятил в подробности Иду Картер, двоюродную сестру Ника Картера, Патси и Иосифа, предупредив их, чтобы они не показывали и вида, что знают о разыгрываемой комедии.

Тело Ника Картера лежало в гробу и никому из приходивших проститься с "покойником" на приходило и в голову, что через 48 часов "мертвец" встанет из гроба, не ощущая никаких последствий своей "смерти". Средство, принятое Ником, состояло из сока какого-то индийского растения. Само средство доставил "покойнику" один из его друзей, живший неподалеку от Нью-Йорка доктор, много лет проведенный в Индии и сумевший выпытать несколько секретов от факиров.

Когда Картера перенесли из фуры на кровать, в квартиру был позван домашний врач, доктор Полинг, уже посвященный в суть дела. Осмотрев Ника, доктор задумчиво покачал головой.

– Никогда бы не подумал, – медленно произнес он, – что передо мной живой человек! Эти признаки смерти – поразительны! Да! Индусы во многом опередили нас! Однако, что я должен теперь сделать?

– Видите ли, – начал Дик, – собственно говоря, от вас надо бы получить свидетельство о смерти, но я решил поступить иначе. Знаете, это набросит впоследствии известную тень на ваше реноме врача. Судите сами: за знания врача не говорит тот факт, что он подписал свидетельство о смерти того человека, который потом будет свободно разгуливать по горо-

ду. Пусть это свидетельство напишет другой! Я уверен, что к вам явится некий врач! Он будет просить у вас разрешения освидетельствовать тело! Пожалуйста, допустите его до осмотра! Это очень важно для нас!

Доктор Полинг согласился и скоро ушел домой.

Согласно распоряжению Ника Картера была отправлена шифрованная телеграмма тому самому врачу, от которого исходило и индийское средство. В телеграмме, после подробной передачи всего случившегося, была просьба – приехать в Нью-Йорк. Доктор Менлов, живший в Рочестере, тотчас же согласился и уже на другое утро дал знать, что он остановился в гостинице "Вальдорф-Астория". Дик немедленно приехал туда и встретил статного, сильного старика с ослепительно белой бородой и пронизательным взглядом умных светло-карих глаз.

– Я знал, что моему другу может понадобиться препарат, – заговорил он, пожимая Дику руку. – Поэтому я и не был поражен, получив вашу телеграмму. Ну, расскажите мне, как произошло усыпление.

Дик передал все, чему был сам свидетель.

Через полчаса Менлов уже стоял у постели Ника и тщательнейшим образом исследовал тело своего друга. Кончив осмотр, он довольно улыбнулся.

– Все обстоит именно так, как и следовало ожидать, – объяснил он. – Я был уверен, что здоровый организм Ника легко перенесет этот эксперимент. Ваш брат по пробуждении не

испытает даже легкой головной боли.

В это время в коридоре раздался звонок и через минуту в комнату вошел доктор Полинг, в сопровождении незнакомца, назвавшегося доктором Адамсом.

– Мистер Адамс, специалист по сердечным болезням, – представил Полинг своего спутника. – Он просил меня разрешить ему осмотр тела мистера Картера.

Перезнакомившись, врачи приступили к осмотру... Впрочем, осмотр производил один Адамс и производил очень тщательно. Наконец, он чуть ли не радостно объявил, что мистер Картер скончался от разрыва сердца и вызвался написать свидетельство о смерти... Когда оно было готово, три врача покинули дом, оживленно беседуя о различных случаях из практики... Видно было со стороны, что в разговорах участвуют три больших знатока своего дела...

Затем Дик отправился к знакомому гробовщику и заказал ему специальный гроб, со многими, незаметными для глаз отверстиями для притока воздуха и с особенным механизмом, который давал возможность Нику по пробуждении открыть гроб простым нажимом спрятанной под изголовьем кнопки...

Когда гроб привезли на квартиру – он оказался коротким, так что пришлось делать другой... Это было не более, не менее, как военная хитрость, изобретенная все предусмотревшим Ником Картером... Оказавшийся коротким гроб был самого обыкновенного устройства и не заключал в себе ни-

каких механизмов... Его оставили на некоторое время в квартире Картера и Дик имел удовольствие наблюдать, как некоторые из посетителей интересовались гробом настолько, что постукивали его пальцами и ощупывали его обивку...

Второй гроб был уже тот самый, в который должно было быть положено тело "умершего"...

Перевозка тела в Ричмонд было обставлено так скромно, что вызвало удивление со стороны всех знакомых сыщика... В ответ на расспросы домашние пожимали плечами и ссылались на волю "покойного"...

На кладбище присутствовать при опускании гроба в могилу, явилось, между другими, три туриста, приехавших на автомобиле...

Дик многозначительно переглянулся с доктором Менловом... Для них было понятно, что под видом туристов скрываются шпионы Аддисона...

Перед тем как опустить гроб, крышку его открыли еще раз, так что все видели покоящееся на белом атласе тело "покойника"... Теперь сомнений в том, что похоронен именно Ник Картер, ни у кого не могло быть...

В самый день похорон Патси исчез из Нью-Йорка... Вернулся он через два дня, веселый, сияющий...

– Ну что? – спросил его Дик, разбиравший почту...

– Все в полном порядке, – с живостью отозвался Патси, – начальник "восстал из мертвых", вышел с кладбища под видом могильщика и отправился, как и было условлено, в Ро-

честер.

Глава XI

Доктор Менлов

Через неделю после описанных событий на имя Дика пришла телеграмма, в которой Менлов просил его и Патси приехать в "Вальдорф-Асторию". Конечно, оба сыщика немедленно отправились в отель. Доктор встретил их очень любезно и пригласил к завтраку...

Дик и Патси горели нетерпением узнать что-нибудь о Нике Картере, но Менлов молчал... Понимая, что старик имел на это причины, сыщики не допытывались, а ожидали, когда доктор сам начнет разговор...

Завтракали наверху в комнате, занимаемой доктором... Когда лакей унес посуду, оставив на столе только бутылку "Генри Клай", доктор Менлов подвинулся ближе к Дику и сказал совершенно другим голосом:

– Сделай одолжение, Дик, – запири эту дверь, чтобы сюда никто не вошел.

Дик и Патси в буквальном смысле слова остолбенели... Они смотрели на говорившего во все глаза, не веря тому, что происходит перед ними. Наконец Дик нашел в себе силы спросить:

– Ник! Это ты или твой дух?

– Я, я, мой дорогой Дик! – весело рассмеялся Картер. –

Всю эту комедию я разыграл для того, чтобы убедиться в совершенстве моего грима! Но, помните: я теперь для вас, "впредь до изменения", как пишут в официальных бумагах, – доктор Менлов. Нет ничего удивительного в том, что вы меня не узнали, дети, – продолжал Ник. – Меня до сих пор не узнают его слуги, поселившиеся здесь же в отеле. Видите ли, как мы устроили дело: в день моего "воскресения из мертвых", доктор Менлов, переодетый старой дамой, уехал на запад, а я остался в Рочестере, под видом доктора. Если бы мне пришлось остаться в Рочестере, где у Менлова сотни знакомых, я был бы в большом затруднении, но по предварительному уговору доктор сообщил заранее, что он уезжает надолго в Нью-Йорк и, таким образом, я очутился здесь. Розыски мои идут пока удачно. Один из моих друзей записал номер автомобиля, на котором приезжали на кладбище "туристы" и, благодаря этому я мог открыть, что это были сам Аддисон, его помощник и Нора Бригтон, медиум "профессора". Ограбление Кеннанов она произвела одна, даже без ведома своего "шефа". Благодаря тому, что я могу быть спокойным, не чувствуя преследования и выслеживания, я узнал и еще новость: между Аддисоном и Норой произошел разрыв. Он потребовал доли из награбленного у Кеннанов, на что негодяйка ответила категорическим отказом. Они разъехались. Благодаря тому, что Аддисон непричастен к краже, у меня ускользнул и последний предлог для его ареста. Но это не беда; думая, что я мертв, он, несомненно, начнет свою пре-

ступную деятельность – и попадетс! Старик Брент, кажется образумился: по крайней мере, он ни одного цента на дела Аддисона не дает.

– А как обстоит дело с медиумом? – осведомился Дик.

– А! Это дело совершенно самостоятельное. После разрыва с Аддисоном грабительница уехала от него и живет отдельно. Так как ты, Дик, несколько потерпел от нее и неоднократно был ею обманут, то я думаю, что именно тебе следует отправиться к ней с визитом. Арестовав ее, приступи к обыску. Драгоценности еще не проданы, потому что она хочет оставить их для себя, конечно, предварительно изменив вид украшений. Итак, Нора Бригтон – твоя добыча, Дик.

– Ты дивный человек, Ник! – восторженно воскликнул молодой сыщик. – Знаешь, мне несколько раз уже снилось, что я арестовываю негодяйку и отнимаю у нее похищенные драгоценности!

– Ну вот, твой сон и сбывается, – рассмеялся Картер.

– А где же теперь Нора? – спросил Дик.

– Да! Это не так легко было установить, – улыбнулся Ник. – Если бы я попросил тебя выяснить это, тебе потребовалось бы немало времени. Итак, слушай: живет она в Нью-Рошеле, в одном из лучших пансионатов, под видом француженки (впрочем она, насколько я понимаю, и на самом деле француженка) Ины Коррет. В настоящее время она тратит те деньги, которые были в бумажнике мистера Кеннана. Сделай все умненько, Дик, – пошутил Картер. – Не следует делать

огласки. До Нью-Рошеля поезжай в автомобиле: это займет не более четырех часов.

– Великолепно! – радостно вскричал Дик. – Завтра утром я арестую барышню! Это для меня такое удовольствие, такое удовольствие, что ты и представить себе не можешь!

Глава XII

Арест грабительницы

На другой день утром автомобиль привез Дика Картера в Нью-Рошель. Остановившись в лучшей гостинице города, молодой сыщик разузнал, где живет богатая иностранка Ина Коррет и, приказав шоферу ждать его за углом фешенебельного пансиона, вошел в подъезд большой красивой виллы.

– Черт возьми! Удобно устроилась, – пробормотал он. – Я и сам не отказался бы от житья в таком отеле.

На звонок сыщика вышла кокетливая горничная и заявила, что мисс Коррет дома и, увидев, что посетитель одет очень элегантно, впустила его в гостиную. Здесь Дик вручил ей визитную карточку, конечно, с вымышленной фамилией. Горничная удалилась и, вернувшись через несколько минут, пригласила его следовать за собой. Дойдя до двери красного дерева, горничная указала на нее и скрылась.

Дик слегка постучал в дверь пальцем.

– Entrez! – послышалось за дверью.

"Ну, если бы ты знала кто я – ты бы так легко не впустила меня", – подумал сыщик.

Войдя в комнату он увидел Ину Коррет, прежнюю Нору Бригтон. Она стояла у стола, слегка опершись на него рукой и удивленно посматривала на входящего мужчину.

– Вы желали видеть меня? – обратилась к нему грабительница. – Простите, где мы познакомились? Я не припомню вашей фа... Дик Картер! – внезапно перебила она себя истерическим криком.

Она положила правую руку на сердце, как бы желая сдержать его сильное биение, а левой рукой быстро расстегнула ворот платья. Ей стало душно.

– К вашим услугам, – насмешливо поклонился Дик. – Вы, конечно, понимаете, что вам ничего не остается, как последовать за мною?

В голове авантюристки мелькнул смелый план: она решила либо разжалобить либо увлечь кокетничанием сыщика. Быстро прижала она батистовый платок к своим красивым глазам и истерически разрыдалась.

– Боже! – простонала она, падая на диван. – Всему, всему конец! – И это именно в то время, когда я решила покончить с прежней жизнью, когда я мечтала стать порядочной женщиной. Пощадите меня! – упала она на колени перед Диком. – Я вам отдам похищенные драгоценности, но только не арестовывайте меня, не сажайте в тюрьму!

Дик невольно смутился. Слишком искренние ноты звучали в мольбе авантюристки, слишком болезненным надрывом отзывались обильно струившиеся по щекам грабительницы слезы и... слишком хороша была она сама, с ее лихорадочно блестящими глазами, судорожно сжатыми губками и всей гибкой, очаровательной фигуркой. А она, словно угадывая,

что происходит в душе сыщика, уже вынула из-за корсажа какой-то пакет.

– Вот, возьмите! – молила она. – Это бумага Германского Банка в Нью-Йорке. Из нее вы увидите, что драгоценности хранятся там, в безопасном ящике.

Дик напряг всю свою силу воли, чтобы не поддаться искушению. И ему удалось справиться с минутной слабостью. Рассказ о бумаге из банка даже возбудил его сомнение. Чем был он гарантирован от того, что в банке находились ничего не стоящие побрякушки, тогда как настоящие драгоценности были спрятаны в другом месте. Он, наконец, не имел права выпускать преступницу – данная ему Ником инструкция гласила совершенно иначе.

– Нет! – твердо произнес он. – Ни в какие сделки вступать с вами я не могу! Вы должны немедленно последовать за мной! От вас зависит, чтобы ваш арест остался неизвестным для ваших соседей.

Авантюристка поняла, что ее выпад не удался, и закусила губу.

– Нечего делать, – произнесла она. – Придется повиноваться. Но, надеюсь, вы позволите мне переодеться?

В эту примитивную ловушку не мог попасться сыщик, подобный Дику.

– Никаких переодеваний, мисс, я допустить не могу, – слегка поклонился он.

Авантюристка бросила на Дика злобный взгляд, но ниче-

го уже не сказала. Молча надела она пальто и шляпу, молча подала руку сыщику, молча ехала всю дорогу. В 5 часов дня за ней уже захлопнулась дверь тюремной камеры.

Дик был прав: по справке в банк оказались положенными ничего не стоящие браслеты и кольца с фальшивыми бриллиантами, тогда как сокровища миссис Кеннан были найдены в каминной трубе комнаты, где произошел арест авантюристки.

Удивлению Кеннанов не было границ, когда они в одно прекрасное утро получили по почте ящичек с драгоценностями и бумажник, из содержимого которого оказалось истраченным очень немного.

А Нику Картеру еще очень долгое время пришлось скрываться под именем доктора Менлова. Противник, которого преследовал знаменитый сыщик, казалось, был неуловим. Не уступая своему преследователю в энергии, знании и уме, Аддисон проскальзывал между пальцев, исчезал именно тогда, когда его гибель казалась неминуемой и несколько раз ставил Картера в очень опасные ситуации, из которых сыщик выходил только потому, что не знал что такое страх и не терял присутствия духа даже в самые критические моменты.